

Александр Владыкин

Терра-Инверсия

12+

Александр Евгениевич Владыкин

Терра- Инверсия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43200836

SelfPub; 2019

Аннотация

Я хотел быть военным. С детства, сколько себя помню. Я мечтал о жизни, наполненной храбростью, в которой есть место подвигу и патриотизму. К сожалению, моя жизнь прошла иначе, не так, как я мечтал. Но войн, приключений и сражений хватило и на мою долю – в другом мире, с непостижимыми, неземными законами.

Глава 1

– Дядя, а кто такие волхвы?

– Боевые колдуны, Снегур. Вот, помнится мне, как ходили мы дружиной на турка..., если бы не боевые колдуны, то не разговаривали бы мы, сейчас, с тобою племяш.

Старый, обросший бородой, Вепрь начинал свой очередной рассказ – про далёкие земли, про сложные кровопролитные битвы, про богатырей, которые сейчас не родятся, а тех, кто пали, уже не поднять. Мы, детишками, сидели тихо на русской печи, боясь пропустить хоть одно слово, передвигаясь вместе с Вепрем по чужой степи, прячась в зарослях ковыля, переживая многочисленные битвы, страдая от «полученных ран». Мы, и засыпали под рассказы этого старого война, чтобы потом, проснувшись, переносить их в свои игры. Так, изо дня – в день, проходили наши тренировки, так ковался наш дух, прошло много времени, с той поры, но, я ещё помню рассказы старого Вепря.

– Интересно. Очень интересно. Но не правда. Сейчас у нас какой год? А вы пишете о России, периода турецкой кампании. Снегур..., прям янычар, какой-то?

– Да! Я Снегур, мой отец – Снегур, мой дед и прадед – Снегуры! Вам не нравится моя генетическая память?

Мужчина забрал свою рукопись. В моей памяти осталась только фамилия главного героя – Снегур.

Командир роты летел в первой «вертушке», вместе с основным составом подразделения армейской разведки. Ещё вчера я гулял по Твери, щеголяя новой армейской формой. Нашему выпуску не повезло – попасть в военную разведку, это равносильно тому, как встать с левой ноги. Я знал, что, после выпуска общевоинского училища, гибнет восемьдесят процентов молодых офицеров, в жерновах тайных операций. Из нашей группы, пятнадцать человек пополнили состав данного подразделения. Но, как говорится:

– Нет худа без добра! В разведке, среди личного состава, не было «дедовщины», не уставных взаимоотношений. Все были ровесники, никто не выделялся, особо. Мой взвод состоял из новоприбывших, на многих ребятах ещё было обмундирование, выданное им в «учебке». Ребята выглядели спортивно, все, пострижены «под ноль» – без татуировок и примет, бросающихся в глаза. Это было условием отбора. Я не успел ознакомиться с их личными делами. С корабля – на бал! Вечером прибыл на место службы, а утром – ознакомился с приказом, осмысливать который пришлось в вертушке.

– Командир взвода – лейтенант Снегур!

Я выслушал приказ на одном дыхании. Командир полка зачитал его на разводе; и наша рота, через пятнадцать минут, была на полевом аэродроме. Командир роты сам руководил загрузкой личного состава в вертолёт. Нашему взводу досталась машина под номером – два. Жирная двойка, нарисованная на кабине вертолёта, напоминала оценку в журна-

ле, из школьной программы. Старшина незаметно переkreстился и сплюнул на землю, перед вертолётom. У этих старослужащих свои армейские мистические приметы. Все документы, обереги, даже нательные крестики были запрещены в нашем подразделении. Ничто не должно указывать на принадлежность наших войск. Мы никто, не откуда, и зовут нас – никак. Я присел возле прапорщика:

– Старшина! Вы давно в этом подразделении?

– Никак нет, господин лейтенант. Третий день, как перебросили с Дальнего Востока.

– Что ж, будем знакомится. Лейтенант Снегур.

Прапорщик понюхал воздух:

– Лавандой пахнет, и морем.

Он, кое-что успел выяснить за сутки.

– Здесь, командир, какая-то чертовщина творится! Этот район границы раньше считался одним из безопасных – вокруг непроходимые горы, никаких населённых пунктов. Здесь барса встретишь быстрее, чем человека. Курорт, а не место! До нашего прибытия, на побережье был развёрнут всего один батальон. Ребята несли боевое дежурство. Всё было так, без осложнений. Здесь, просто не было противника, желающих повторить подвиг Суворова не нашлось. Горы оставались надёжной защитой для наших солдат.

– А, почему тогда нас собрали? Ребят заставили подписать контракты на год. Многие не успели пройти все дисциплины в учебных подразделениях. Я бегом просмотрел дела подчи-

нённого мне состава: многих набрали в спортивных ротах. Зачем это? Мы укомплектованы оружием и спецсредствами, как немецкий «Эдельвейс», а числимся в разведывательном подразделение. Странно всё это, не по – армейскому, в спешке, никто ничего не знает. Где этот батальон? Прапорщик, вы можете объяснить, что здесь происходит?

– Прапорщик Коляда! А, зовут меня Николай. Я, из Перми. А, никто и не сможет объяснить, что здесь произошло. Пропал батальон, все пропали, остались пустые казармы, даже оружие в оружейных комнатах цело. Перед нами поставлена задача – занять плацдарм на месте дислокации этого батальона.

– Задача со множеством неизвестных!

Вертолёт летел низко над морем, едва не касаясь колёсами набегавших волн. Я выглянул в иллюминатор. Скучный пейзаж, меня море угнетало своим однообразием. Вдалеке, просматривалась полоска берега, и горы. Горы начинались прямо из моря. Эти прибрежные скалы, скорее были продолжением гор. Какая-то растительность, чахлые кустарники, коричневая, серая трава. Вдоль берега скользкие камни в море, покрытые синими водорослями. Тоска! Это место похоже на ловушку, природная мышеловка, вот! Мою философию прервала вспышка, словно сотня солнц взорвало наш разум. В один миг, мы все ослепли. Я почувствовал, что вертолёт не управляем, и падает в море. Недалеко от берега. Был удар, корпус вертолета разлетелся, как скорлупа

грецкого ореха. Дальше я ничего не помню. Меня, наверное, выбросило в море. Я очнулся впритык к берегу, волны перебирали мой волос на голове. Я попытался подняться, меня шатало, и я вырвал. Море перекатывало трупы моих солдат. Я посмотрел на берег, выискивая взглядом оставшихся в живых. Их было немного, два или три человека. Неуверенной походкой я добрался к воскрешённым. Ребята смотрели на меня туманными глазами, пытаюсь привести в чувство третьего сослуживца, его хорошо приложило по голове морскими камнями. Старшина снимал с висков обрывки водорослей. Я попытался что-то сказать, но из горла раздалось бульканье и какой-то клёкот, меня опять понесло: из желудка, из лёгких выходила морская вода. Третий солдат, всё же умер, не выдержал его организм этой встряски. Я вспомнил его по пролистанным делам, кажется он был скалолазом. Я посмотрел на горы. Мне показалось, что они не на месте, отошли от моря, и стали немного меньше, как кто, специально спилил их вершины. В небе над горами летали птицы. Орлы могли кружить часами, высматривая свою добычу.

Прапорщик закрыл глаза умершему солдату и отдал распоряжение рядовому, стоящему рядом с ним. Рядовой, при помощи подручных средств начал копать яму. На берегу, в песке, выравнивая края руками. Прапорщик забрался в море и начал нырять.

– Что он делает? Зачем?

Я никак не мог сообразить, дать вразумительные объяс-

нения его действиям. Море гоняло ещё кучу трупов.

– Разве, одна маленькая ямка, вырытая нескладным испуганным солдатом, может поместить всех покойников?

Я оглядел окрест, в надежде, что увижу, что-нибудь, типа пропасти, пещеры, или старой берлоги. Но, берег был пустынен, тёплые и ласковые волны слизали все неровности почвы.

Солдат, почти утонул в яме. Он был совсем ещё ребёнок, на смуглом лице пробивался пушок, а на щеках остались следы слёз. Я дал ему отбой, у нас не было ничего, даже сапёрной лопаты, всё забрало море.

– Ура!

Раздался восторженный крик старшины. Я, только сейчас понял, что искал в море прапорщик, когда увидел в его руках автомат. Эта авария оставила нас не только без личного состава, у нас не было никакого оружия. Всё утонуло в море. Я покосился на бок своего тела. Слава богу, кобура была на месте. Прапорщик вышел из воды.

– Слышь, Коляда! Что вообще с нами случилось? Где наш второй вертолёт?

– Был взрыв. Нас сбили ракетой ПЗРК. Потом вспышка. И вот!

Прапорщик показал на плавающие трупы.

– Надо бы было их похоронить! По-военному, закопать в землю.

– Или обложить камнями, как в фильмах, про индейцев:

Подал голос рядовой.

Мы все начали вытаскивать трупы из воды. Трупов было больше, чем могло поместиться в нашем вертолётe. Когда мы вытащили труп нашего капитана – ротного, командующего нашей погрузкой, я понял, что первый вертолёт постигла такая же участь, как и наш. Два часа мы собирали камни. Я хоть убей, не помню взрывов, помню свет. Но спорить с Колядой не стал. Ракета, так ракета. Но, только, кто стрелял? Не мог же неприятель сидеть в море? Я остался при своём мнении, нас сразили неизвестным оружием: луч света, вырвался из морской пучины и вскрыл оба наших вертолётa. Странно, но на трупах нет никаких следов огня, все были без, каких бы то не было, повреждений. Солдат, вообще, ничего не помнил, он спал, когда всё случилось. И, вообще, солдат летел в первом вертолётe, вместе с ротным.

До чего же мы не приспособлены. Как разжечь костёр, без спичек. Море рядом, рыбы валом, осталось, только, её поймать и приготовить. Но, как? Без сети, без удочки, и на чём, когда нет ничего: ни масла, ни сковородки, ни воды. Вода! Как я хочу пить. Солдат с Колядой пытаются поймать рыбу, гимнастёркой. Я роюсь в зарослях водорослей, стараюсь найти мелких крабов и живые ракушки – мидии, гребешки. Не знаю, как они называются, знаю, что они съедобны. Только, как их есть? Не сырыми же? За час нашей упорной охоты, мы наскребли себе пищи на слабый обед. Солдат собрал сушняк, а прапорщик расковырял патрон. Блин! С помощью

двух камней, он разжѐг костѐр. Пойманную рыбу пришлось печь тоже на камнях, а мою мелочь Коляда закопал в золу.

– Вместо семечек будет.

Я решил более тщательно осмотреть местность, достал пистолет и, стал не спеша, продвигаться к горам. Честно сказать:

– Я не наелся.

Мечтал найти какую ни будь дичь, или птицу, я согласен был и на птичьи яйца. К сожалению, попадались только грибы – дождевики, рыхлые и не вкусные, я два штуки съел сырыми. Потом я ловил ящерицу, но она убежала, скрывшись от меня в расщелине скалы. Я далеко отошёл от берега. Видал, что прапорщик с солдатом опять устроил купание в море. Что они там искали, не знаю. Я вышел на тропу, она была хорошо утоптана, и серпантинном, подымалась в гору.

– Здесь, наверное, козы есть?

Кто-то утоптал эту дорогу? Я, незаметно, увлѐкся своим поиском, шѐл по тропинке выше, и выше, держа перед собой личное оружие. Блин! Никогда не приходилось раньше стрелять из пистолета по козам. Но, с пистолетом я считал себя защищённым, сильным, и всемогущим.

Глава 2

Фамилия мне досталась красивая, от прадеда. Никто не знал, откуда он появился в нашем краю. Прадеда нет, а фамилия осталась. Снегур. Меня все знакомые, сколько я помню, называли только по фамилии. Из отцовских рассказов

остались в памяти отдельные обрывки, он повторял сказы двоюродного брата прадеда, про степь, неведомые войны, про казаков, турок и волхвов, называя последних, колдунами. Не знаю, может Коляда тоже колдун? Как умело он костёр разжёл у воды. Вдруг меня отвлёл какой-то шум, от моих мыслей. Сверху по тропинке сыпались мелкие камни. Я поднял голову, и одновременно начал стрелять. Сверху тропы, на меня двигалось какое-то животное, похожее, одновременно на большую кошку и гиену. Блин! Я промазал. Этот зверь готовился к прыжку. Между нами было не более пяти метров. Я продолжал давить на курок, но пистолет молчал, я уже приготовился к смерти, когда раздался окрик, остановивший животное, приготовившееся к атаке. Я боялся отвести взгляд от чудовища, мне казалось, что стоит отвести глаза, и этот монстр накинется на меня. Я уже слышал хруст моих косточек. Боковым зрением я увидел, как подошёл человек. Животное заскулило и легло около его ног, выпрашивая награду за мою поимку. Человек что-то спросил, но я его не понял. Я впервые слышал язык незнакомца. Я постарался внимательно рассмотреть, встреченного мной, мужчину. Его волосы были до пят, подвязанные лентой у лба, мужчина был не молод, уже в годах, но и не стар. Какой-то – молодой старик, неопределённого возраста. Мужчина протянул руку к моему оружию:

– Что это?

Этот вопрос прозвучал в моей голове. Мой пистолет мяг-

ко скользнул и вывалился из моих рук в ладонь незнакомца. Блин! По уставу, мне было запрещено передавать своё оружие кому-либо. Мужчина повертел пистолет в руках:

– Зачем это?

Он, как бы, прислушивался, ожидая ответы на заданные вопросы. Я не знал, но мой мозг отвечал. Незнакомец, удивлённо, последний раз посмотрел на оружие и смял его, как пластилин, или кусочек пчелиного воска.

– Ну, и сила у этого старика – подумал я, наблюдая, как моё оружие течёт по его пальцам, и бесформенной лужей застывает на каменистой почве тропы. Я застыл, заостенел, попытался двинуться, сменить позу, но предупредительное рычание зверя остановило меня от необдуманных действий.

Незнакомец что-то пробурчал, и животное опять заскулило.

– Лоран, ещё совсем ребёнок. Щенок. Он капризничает. Твоё поведение настораживает его. Шабаты всегда реагируют на опасность. Ты испугал его, пришелец. Старик продолжил своё движение вниз, к морю, животное шло сбоку от него, а я, как привязанный, семенил за ними, против своей воли. Я увидел, как навстречу нам, два низкорослых бородача вели прапорщика и солдата. Прапорщик тянул за собой автомат, он волочился по земле, магазином стуча по гальке. Боже мой, такого представить нельзя, в действующей армии, так обращаться с оружием! Совсем не по уставу, нарушая все установленные правила по его эксплуатации.

Старик что-то сказал бородачам. Монстр расправил уши, видимо, команда, отданная этим «гномам», касалась и его. Старик пошёл вверх сам, оставив нас на попечении бородачей и зверя. Старик называл его Лоран – из племени Шабатов. Надо запомнить, наверное, нам долго придётся общаться в этом обществе. Старик шёл, не торопился, уверенно подымаясь по тропе. За ним, как шлейф невесты, парили седые волосы. Непривычно видеть мужчину с такими длинными волосами.

– Кто это?

Я задал вопрос, понимая, что не получу на него ответ. Старшина пожал плечами, а солдат шмыгнул носом.

– Волхв!

Кажется, это сказал один из бородачей. Значит они понимают наш язык, и не всё так безнадёжно, как мне казалось по началу. «Гном» назвал зверя собакой, тот зарычал и показал зубы. Нет, собак с такими зубами не бывает! Я пытался разговаривать бородачей, но они объяснили мне, что знают человеческую речь плохо, некоторые слова, больше, полагаясь на интуицию, разговаривая со мной. Ты, Снегур, если хочешь общаться, то тебе придётся выучить язык нашей страны для межкланового общения. Учи русский, Снегур, тогда поговорим. Не понял! Я, кажется, никому не говорил свою фамилию.

– Я, что, с вами, не на русском разговариваю?

Бородачи рассмеялись.

– Нет. Твой язык своеобразен, и речь, похожа на завывание дикарей. В нашей стране тебя никто не поймёт. Учи русский язык, Снегур.

Блин! Это меня – рязанского парня, уличили в незнании русского языка!

– А, как его учить? У вас что, школы есть? Учителя?

– Придём в стан, я отведу тебя к вещалкам. Они за ночь обучат тебя русскому языку. Говорить не знаю, но понимать всё будешь. А, если постараться, то в течении месяца, и разговорный язык освоишь.

Если бы тогда гном рассказал, чего это стоило, освоение русского языка, у вещалок? Я бы, лучше немым остался, и глухим одновременно. Эти пройдохи выкачали из меня всю энергию. Спасибо прапорщику. Коляда выручал, по мере своих сил. А, солдат – дезертировал из учебного центра, ему не понравились методы преподавания. Беглеца, конечно поймали, он не рискнул податься в горы, но вещалкам досталось от Волхва. Отныне, обучение русскому языку будет вестись под его личным надзором. Женщины выскочили из шатра колдуна с «кислыми» лицами, ох, как же им не нравился этот надзор. Гном не соврал, через месяц нас нельзя было отличить от аборигенов. Солдат в стане нашел друзей, и армейская дисциплина расшаталась, какие бы меры не предпринимал Коляда, солдат всё время пропадал у друзей. Не удивительно, что воин стал докой в овладении новым русским языком. Я, по-тихому, провёл разведку стана. Люди, в

нём жили, как-то не так! Интересно! В стане все подчинялись Волхву, колдун не был вожаком племени, он был выше! Аборигены очень не любили, когда их называли – люди. На новом русском языке – это самый низший статус, который может быть у человека.

– Даже раб стоит выше людя!

– Скажите! Где мы находимся? В какой стране? Кто управляет этим государством, и как? Как называется этот мир? И, вообще, что это такое? Это планета? Она, какая? Круглая?

Мои вопросы ставили в тупик жителей стана. Я понял, что здесь первобытно – общинный строй, с семейным разделением труда. В стане были свои кузнецы, ткачи, целая секта вещалок – учителя, по-нашему, свои повара и охотники. Кожемяки. Это общество было не примитивным, как мне показалось по началу. Кроме вещалок, здесь были учёные, имеющие свои лаборатории. Народ не чурался пришельцев, все мне пытались разжевать, растолковать, некоторые из моих вопросов были непонятны для них, тогда меня посылали к Зыркалу – астроном по-ихнему. У него в горах своё жильё, пойди к нему, он покажет тебе в зыркалке (система подзорных приспособлений, похожая на земельный телескоп) все планеты, всё, что тебя интересует, находящееся выше гор. Я слонялся из угла в угол. Осматривался. Понимая, что вечно моё безделье продолжаться не может, уже приходилось ловить недовольные взгляды. Население стана большое, около

ста особей, а котёл один. Повара, чуть свет, начинают готовить для всего племени в центре стана. Целый день в воздухе стоял запах жаренного, вяленного, копчёного мяса, перемешивающий с ароматом трав, использованных, как приправа. Прапорщик пристроился к охотникам, они жили тоже отдельно от стана, как астроном. Охотниками руководил Вещун. В остальном, условия жизни в бригаде охотников, не отличались от быта племени. У них были свои повара, свои мастера по производству и ремонту оружия. Блин! Оружейная техника у этих дикарей была на порядок выше нашей. У Другарей – так назывался народ, приютивший нас, не было танков, тяжёлых ракет, с зенитными комплексами, подводных лодок со всеми видами летающей техники, зато у каждого охотника был персональный бластер. Предохранитель в оружии выставлен таким образом, что исключал поражение человека от данного оружия. Прапорщик, и рассказал мне, про разные народы, живущие по соседству со станом. У них были свои предводители, и выглядели они не так, как племя людей, но между собой жили мирно, дружно. Все споры решались на межплеменном совете вождей. Блин! Как у индейцев до Колумбовой Америки! Шу – шу, между собой, и откопали топор войны! Чем больше я общался с народом, тем больше знал о этом племени и их соседях.

Бородачи, которых я называл Гномами, это Лофаки, племя разобщено, живёт по обе стороны от границы, они, полностью, всем своим составом влились в племя Другарей, про-

водили совместные работы, участвовали в дежурстве по охране пограничного периметра, без них не обходился ни один совет племени. Они, как и все Другари, подчинялись Волхву. Кроме Лофаков и Другарей, здесь жили племена людей–птиц, у них были разные, труднопроизносимые названия, я, условно, называл их «эльфами», по ту сторону гор, жил подземный народ – конасы, но мы, почти с ними не встречались, никто не знает, как они живут, чем питаются, за счёт чего существуют. Знали только, что конасы, не похожи на нас, очень злобны и отважны. Страна большая, здесь нет, каких бы то, ни было, границ между народами, поэтому в стране господствует интернационал. Народы разные, не похожие друг на друга, каждое существо имеет свой нрав. У нас бы эту страну разнесла меж усобица. Но здесь, каждый жил по правилам, продиктованным разумом поколений, в которых, на первое место ставилось уважение к другим народам, к чужой расе. В новом русском языке нет ругательных слов, нет оскорблений. В общении не допускалось нетерпимости друг к другу.

– Блин! Не язык, а балетные пуанты! Его, как специально создали, «не для мужиков». А, защищаться как? Ну, если кто-нибудь нападёт на вашу страну? Предположим, будет угроза вашему миру?

Мне это общество с архаичным укладом жизни, показалось таким беззащитным.

– Ты, Снегур, ничего не понимаешь. У тебя каша в голове,

вместо мозгов. Какой сумасшедший будет нападать на страну, в которой живут волхвы.

Боевые колдуны – по-нашему. Хотя, мы сколько находимся в стане, никаких боевых действий я не видел. Но, встретиться с волхвом один на один, тем более – проверять его реакцию, мне не хотелось. Я вспоминал, как мой пистолет растаял между его пальцев.

Вечером, я всё же решился – нанести визит астроному. Рано утром, предупредил своих, чтобы меня никто не ждал, и отправился в горы, по маршруту, указанному одним из бородачей. Блин! Мою тропу пересекали невиданные животные, на камнях и в кустарнике грелись змеи, в траве было полно блох, или клещей. Но никто меня не трогал. Такое ощущение, что этой фауне было не до меня. Я вспомнил:

– Заговор колдуна! Волхву удалось добиться паритета сил, и между животными и людьми, не имеющими оружия, было негласное перемирие. Но, стоило кому в руки взять палку, как обстановка резко менялась: и все норовили напасть, укусить, вогнать когти, разорвать тебя на куски. Я этого не понимал, это было выше моего разума.

Глава 3

Зыркал встретил меня хорошо, накормил грибным супом и ягодным муссом. Он выслушал все мои вопросы, спросил только, откуда я прибыл.

– С Земли.

– Знаю, что с Земли, с России, с области какой?

– Я рязанский.

– Рязань. А, где это?

Блин! Как объяснить?

– Это между Москвой и Казанью.

Зыркал делал вид, что понял, такое ощущение, что он каждый день бывает в Рязани по своим делам, и жить без этого города не может.

– Ах, вы рязанский? Из Снегуров? А, что вас принесло в наш мир?

Я, в который раз, пересказываю свою историю, надеясь получить ответ:

– Что, всё же, случилось. Кто выпустил ракету ПЗРК, убив почти всё наше подразделение? Куда делся армейский батальон, несший боевое дежурство на этой местности?

Зыркал подергал свои дано не мытые волосы. Это, наверное, тяжело отращивать такие косы, за ними уход нужен.

– Вы, Снегур, знаете, что находитесь на границе двух миров. Ваши вертолёты никто не сбивал ракетой из переносного зенитного комплекса, у нас нет такого оружия. Это вы должны уже знать. Ваши вертолёты попали в переход между мирами, их уничтожило, смяло – пространство, время, не знаю, какие силы ещё. Их раздавило. Не знаю, даже, как вы смогли уцелеть? Фортуна пожалела вас.

Мне стало интересно: Откуда этот учёный, наблюдающий за звёздами, знает о России, из каких областей она состоит. Что он знает о мифах древней Греции? О Фортуне. Но во-

просов я не стал задавать. Мне достаточно было того, что удалось узнать, хватило бы ума и силы переварить всё, сказанное Зыркалом.

Стан нашего Волхва находился в дозоре, по эту сторону границы миров. Я задумался об участии армейского батальона, несшего аналогичную службу с нашей стороны. Может быть им не посчастливилось попасть в переход между мирами и их перемололо в атомы между мировое пространство? Никто не знает, где находится граница между мирами, и по каким законам работают эти переходы. Зыркал сказал, что работают учёные в столицах их страны. Но где это? Он не знал. Его ничто не интересовало, кроме звёзд, планет и метеоров с кометами. Он за всю свою жизнь, так, ни разу не побывал, ни в одной, из столиц. Интересно: страна одна, а столиц много. В этих горах, не то, что города не найдёшь, приличного кишлака даже нет. Если и есть, где столицы, то это на равнине. Надо спросить учёного – а, моря и реки есть в этой стране? Зыркал ответил утвердительно: есть реки, моря, даже несколько штук. Учёный не стал читать лекцию по географии. Не всё сразу. Знания накапливаются постепенно, слой за слоем, и чем они глубже, тем прочнее получается их фундамент в коре головного мозга. Я был благодарен астроному и за это. Вот так, по крупицам, я познавал этот мир. От астронома я возвращался в стан одухотворённым, как адепт, приобщённый к тайне создателя. Меня в стане никто не спрашивал, мои товарищи разбежались по делам. У

каждого из них была работа.

Прапорщик в составе бригады охотников, ушёл в горы, а солдат – наш полиглот, нашел своё призвание в сельском хозяйстве. Он с группой, точно таких же, единомышленников, участвовал в постройке террас, под зерновые культуры. В этих местах выращивали горный рис, со вкусом маниоки. Не знаю, но хлебные лепёшки из него вкусные получаются. Меня вещалки предупредили, что мной интересовался Волхв. На завтра мне назначена встреча с ним в его шатре. У меня засосало под лопаткой, неприятное ощущение, предвестие страха, опасности и ещё, бог знает, чего. Последний раз такое у меня в детстве было, перед тем, как я прыгнул с «тарзанки» в реку. Волхва мне приходилось видеть редко, он почти не бывал в стане, но даже того времени хватило, чтобы избегать встреч с колдуном. А, тут он сам, назначил мне время, для разговора. Я, даже не догадывался о чём можно говорить с Волхвом. По слухам, среди аборигенов, Волхв всё знал заранее, он читал мысли, и мог превратиться в кого хочешь. Волей–неволей, я соглашался с молвой. Мои ноги отказывались идти в шатёр, а язык, снова стал заплетаться, как при нашей первой встрече. Утро наступило быстрее, чем я ожидал.

– Здравствуй, Снегур! Твоим соплеменникам уже нашлась работа в нашем стане. Мы и тебе не позволим бездельничать. Готовься, лейтенант! Я наблюдал за тобой, заданные тобой вопросы заинтересовали меня, на некоторые из них

нет ответа. Мы решили тебя, в нарушении всех правил нашего мира, направить в школу-остров волхвов. Это высшее военное учебное заведение нашей страны. Уважаемые старейшины нашего клана считают, что ты готов к посвящению в таинство истины. Сегодня ночью прибывает экспресс-дракон, за тобой. У тебя есть ещё время попрощаться с друзьями. Будь готов. Не посрами доверия клана. Я уже стар, верю, что ты придёшь мне на смену, может быть тебе удастся разрешить загадку переходов?

Я был в шоке. Мне показалось, что Волхв шутит. Кто я? Иномирнин. Ещё вчера ничего не знавший про этот мир, про Другарей, про колдунов. Я не понимал, почему выбрали именно меня, для столь ответственной и почётной миссии. О каких старейшинах говорил Волхв, когда в стане все решает он. Неужели в этом авторитарном обществе были отростки демократии? Я не слышал о том, что собирался совет племени, чтобы решать мою судьбу. Но, как бы то не было, надо готовиться к поездке, или полёту. Я не знал, каким образом перемещаются в этом мире. Экспресс-дракон – говорил колдун. Я пытался представить это, но у меня, кроме Феррари ничего не получалось. У меня с детства скудно с фантазией. Для рязанского парня, Феррари – это был предел мечтаний. С друзьями попрощаться мне не удалось, никого из них не было в стане. Пришёл проводить меня Зыркал, специально для этого спустился с гор, он и подтвердил слова Волхва про совет старейшин.

– Я сам голосовал за твою кандидатуру, Снегур. Ночью прилетел «дракон», похожий на знаменитый «Папелац», из какого-то фантастического фильма. Астроном обнял меня, и эта неказистая железяка, которая даже летать не должна, понесла меня, через горы, на далёкий таинственный остров, на котором готовят Волхвов. Блин! Я впервые увидел всю страну, сверху, с высоты «драконьего» полёта. Через иллюминатор были видны города, мимо которых мы пролетали, табуны неизвестных животных, похожих на верблюдов. Я любовался мощью рек, текущих с гор, красотой ландшафта моря, с переливами радуги от прошедших дождей. Остров выплыл неожиданно, из-за скрывающих его скал. Я не успел оценить величину острова, он появился сразу, весь, с кронами могучих деревьев, опутанных лианами, по которым бегали, прыгали, висели на хвостах – существа, похожие на лемуров.

– Пересмешники – сказал пилот. Он, наверное, тоже был из телепатов.

«Папелац» приземлился на огромном пустыре, в несколько футбольных полей. Блин! Ну, и аэропорт у этих колдунов. К «дракону» спешила встречающая публика. В основном женщины, и все в банных халатах. Странная экипировка у здешнего населения. Женщины развернули плакат, на котором русским языком было написано:

– Добро пожаловать! Снегирь.

У меня сразу упало настроение, в допущенной ошибке, в фамилии, не было ничего обидного, предосудительного, но

я гордился своей фамилией, и не любил, когда кто-то пере-
вирал её. Начинать свою карьеру со скандала не хотелось.
Я сделал вид, что меня этот плакат не касался. Подбежала
девушка и вручила мне (нет, не цветы) – входной жетон в
учебные палаты. Я понял, что и спать мне там придётся.

– Вы, первый кандидат, из вновь прибывших. Учебный се-
зон открыт. У вас есть привилегии, можете выбрать цвет сек-
тора вашего обучения.

Я замялся.

– А, что это меняет?

Встречающая посмотрела на меня удивлёнными глазами.

– Ах, да. Я забыла – вы и есть тот землянин? От выбран-
ного цвета много зависит – в каком секторе вы будете про-
ходить обучение. Вот, вы – на кого хотели бы выучиться на
нашем острове?

– На боевого колдуна.

Девушка стала заикаться, как будто я выразил готовность
пройти испытание на «краповый берет».

Тогда вы выбрали оранжевый цвет. Я хочу предупредить
вас, что сектор, в котором вы будете проходить обучение,
считается самым тяжёлым, ваша группа будет самой мало-
численной. Девушка повесила значок оранжевого цвета на
мою десантную гимнастёрку.

– Ваша комната номер пять, в оранжевом секторе учебной
палаты.

Я расслабился, не зная, что выбрал, и на что согласил-

ся. Перед входом в коридор нашего общежития висело ряд объявлений, расписание занятий и меню местной столовой с графиком принятия пищи. Еда тоже распределялась по цвету секторов. У нас было усиленное меню, с большим числом калорий, чем в других секторах. Значит и требования к нам будут особенные – усиленные. Режим от переедания не грозит. В каждом секторе был свой воспитатель. Нашему сектору не повезло, наш воспитатель был из конасов. Я впервые увидел подземного жителя, я даже не знаю, кого он напоминал. На земле такие разумные существа не водятся. Этот сундук с физиономией слепца, скрещенного со свиньёй и кенгуру, был ходячей батареей. Он раздаривал свои высоковольтные заряды по любому поводу, всем желающим, а не желающим, даже без всякого повода. Я не успел дойти до своей комнаты, как на своей шкуре испытал заботу воспитателя. Блин! Надо срочно достать экранирующий костюм с непроводящей ток обувью, и заземление, любое заземление, иначе у этого воспитателя все будем ходить по струнке. В комнате висели правила поведения для учащихся. Я мельком просмотрел их – ничего нельзя. Есть – нельзя, крошить, сорить – нельзя, бегать, прыгать, сопеть – нельзя, лежать на запровленной кровати – нельзя. А, что тогда «Зя»? Я приступил к поискам металлических приспособлений, для заземления, когда в мою комнату втащили второго жильца, моего будущего соседа. Он был Другарём, но из буйных, его притащили пять воспитателей, нашему он успел наkostenить за

его «добродушие», пообещав его утопить в отстойнике. Сосед, с трудом, успокоился.

– Понимаешь! Я по-хорошему, пожелал здоровья всем, а этот... заряд мне между ушами. Словно дубиной приложил. Одно слово – конас! Не знаю, где его откопали.

В комнате было всего две кровати. Я понял, у нас уже полный комплект. Я представился. Другарь, услышав мою фамилию, стал возмущаться ещё больше:

– Знал, что приговорят к оранжевому сектору, но, чтобы жить с инопланетянином, это уже слишком.

– Успокойся! Я не монстр, и не инопланетянин, я из другого мира, но такой же, как вы.

Другарь моргал глазами, не знаю, дошло что-нибудь до него, или нет, но в любом случае, это ничего не меняет. Нам придётся привыкать друг к другу.

Глава 4

– Не верь в сказки, землянин! Ты как сюда попал? Я, уже, третий раз сбегаяю из этого острова. Меня опять поймали в горах, накрыли в пещере, спящего. Доставили в эту тюрьму, и опять, в оранжевый сектор.

– Да, нет, я сам, мне сказали, что это важно, ответственно, выучится на волхва – боевого колдуна!

Напарник рассмеялся.

– Наивный! Сюда на остров попадают только те, кто не смог найти себе применение, кого совет племени посчитал обузой. Племя не терпит дармоедов. Ты, землянин, признай-

ся, прощётрафилса, на верное?

Я вспомнил. Действительно из друзей, попавших в лагерь Другарей, который они называют станом, я был единственным, кто не нашёл себе применения. Сосед долго скрывал своё имя:

– А, всё равно, узнаешь – Гудзырь.

Я не знал, что оно обозначает. Но слова Гудзыря меня заставили задуматься. Отчасти, он был прав – дисциплина здесь была, как в тюрьме, и эти воспитатели, больше на надсмотрщиков похожи. К чему тогда эта показуха?

– Снегур! Ты знаешь, как этот остров называется? Его нет на картах. Координаты засекречены. Остров «Отрицания»!

Я вспомнил лекции по информатике: отрицание, ложь, неправда – инверсия. Какие же секреты таит этот остров?

– Гудзырь! Ты давно здесь находишься, скажи на этом острове обучают чему-нибудь?

– Да. В каждом секторе, по-разному: голубой считается самым лёгким. В нём обучают будущих вещунов – специалистов управления бригадами, артелями, малыми предприятиями. Из серого сектора выходят специалисты покрупнее, ориентированные на управление крупными отраслями. В чёрном секторе готовят серых колдунов, ведьм, шаманов. Кстати, среди встречающихся на лётном поле, очень много выпускников этого сектора. Для того, чтобы попасть в число обучаемых в чёрном секторе, необходимо, кроме желания иметь дар. Сектор считается закрытым, с ограниченным со-

ставом учащихся. Про остальные сектора ты узнаешь во время обучения. Наш сектор – оранжевый, самый скандальный – сектор боевых колдунов.

– Меня слишком быстро нашли. Всё равно я смоюсь с этого острова. Всего пять лун нужно продержаться невидимым, чтобы получить первую степень мага. А маг – ещё не колдун, но уже, дипломированный специалист. На магов большой спрос в столицах.

Я слушал бурчание соседа по комнате, а сам думал:

– Куда я попал? Кому верить? Послушаешь Гудзыря – кругом обман, сплошная «инверсия»! Никому нельзя верить, даже собственным глазам. Благодаря соседу – забияке и неудачнику, постоянно остающемуся на второй год, из-за недостаточного усвоения учебной программы, мы быстро сориентировались в многочисленных аудиториях. Гудзырь усадил меня за парту, а сам смылся искать своих «старых» знакомых. В этой аудитории меня поджидала первая неожиданность – лекцию о правилах колдовства, читал наш бывший солдат. Он узнал меня, и вместо приветствия, сказал на земном русском языке несколько фраз:

– Я не ожидал вас увидеть здесь, лейтенант. Меня, специально, вызвали из академии, для внедрения в состав чужаков. Волхвы западных земель известили совет колдунов о пробое и нарушении периметра. Необходимо было выяснить – с какой целью вы проникли в наш мир. Совет выбрал меня. Вы можете оценить, как я справился с задачей?

– Отлично! Нет слов.

Я не мог поверить, что солдат был фальшивым. Оказался засланным казачком. Интересно. Прапорщик, хоть настоящий? Я вспомнил, как он крестился тайком и сплюнул под колёса вертолёта. А, может это, какой-то специальный колдовской ритуал? Лекции запрещено было конспектировать, все сказанное, зачитанное преподавателем, необходимо было запомнить, а руны выучить наизусть. Тяжело. Никто не говорил, что обучение будет лёгким. Занятия продолжились в другой аудитории, здесь нам преподавали основы гипноза и учили медитировать. Потом, женщина-профессор, символически, поделила нас на двойки, и провела практические занятия, стараясь закрепить учебный материал. Даже, прилетев на остров на странном летательном аппарате, который местные называют «драконом», я до конца не верил в эту затею с моим обучением. Колдовство я считал бредом, а на лекциях готов был выслушать любую ахинею. Только всё было по-другому: лекции были очень интересными, читались нам талантливыми людьми, а практические занятия, навсегда, откинули мои сомнения. Блин! Я, впервые, почувствовал себя скалой, даже думал, как скала, отражая набегавшие волны. Мой напарник вывел меня из транса, а я ещё минут пять не мог отойти от навязанной мне иллюзии. Блин! Это первый день занятий! А, что будет дальше? Мой сосед по комнате находится здесь семь лет. Я спросил преподавателя:

– Как долго длится обучение на военного колдуна?

Женщина ответила:

– Обучение не имеет срока, учиться вам придётся всю жизнь. Я же преподаю только основы колдовства, различные методы его осуществления. В академии нет фиксированного срока. Будем учить вас до тех пор, пока вы не усвоите учебный материал полностью, и не сдадите экзамен комиссии волхвов. Третьей и последней аудиторией был гимнастический зал. Здесь нам преподавали основы секретной борьбы – бесконтактное воздействие на противника. Тренер мог выплеснуть на тебя огонь, ты обязан был погасить его. Я понимал, что это всё иллюзия, а жгло, блин, как настоящее. Здесь же читалась лекция, в каких случаях это колдовство стоит применять. Наши вертолётчики могли сбить, именно, подобным методом. Для волхвов не нужны ракеты. Боевой колдун должен сам быть оружием. Сидит такой неудачник – типа Гудзыря, в маленькой пещере и сжигает всё, что прилетает из других миров. Теперь я понял, что всё оружие, изобретённое на Земле, не идёт ни в какое сравнение с технологиями колдунов. Мне позволено было увидеть собственными глазами, то, что я прочувствовал раньше, при аварии. Преподаватели менялись, как и аудитории, мы никогда не пересекались с другими секторами, при своём обучении. На лекциях присутствовало около тридцати человек (другарей), не знаю, как у остальных, но у меня голова была, как резиновая. Я устал от занятий, от запоминания этих рун на непонятном языке, не несущем никакого смысла. Правда, эффект был ошелом-

мительным от их применения. Преподаватель заглядывал в специальную книгу, а нам необходимо было запоминать.

– Не одно существо не может запомнить все руны, в повседневной жизни мы пользуемся только частью их. Руны можно рассказать на распев (я вспомнил земных реперов), можно нарисовать их в воздухе, составив необходимую формулу. В основном, таким способом подбираются защитные руны, с формулами искажения пространства, и невидимости. Но, чаще всего, приходится пользоваться рунами, зафиксированными в нашем сознании. Мозг, автоматически, сам находит необходимые композиции из рун. Я называю их бытовыми. Мы, часто, не задумываясь применяем их в жизни: готовим ли кушать, или выносим мусор из жилья. Везде, повсюду приходится сталкиваться с колдовством, оно стало составной частью нашей жизни. Мне приходилось видеть, как принимал пищу «солдат», он старался не дотрагиваться до неё руками, и никогда не пользовался столовыми приборами. Пища сама перемещалась в его рот. Он редко посещал нашу столовую, но, когда это происходило, можно было любоваться бесплатным цирком. Шутники, из старших групп, умудрились скормить этому «тайному войну» весь запас мела наших аудиторий. Блин! С кем поведёшься, от того и наберёшься. Может, потому, он не любил посещать столовую для обучаемых.

Мы, земляне, сделали из пищи – ритуал, религию. Нам мало насытится, набить свою утробу, мы придумали множе-

ство приспособлений для принятия пищи, для приготовления продуктов, кучу ароматизаторов, усилителей вкуса, множество приправ и ингредиентов. Придумали специальный этикет для принятия пищи. «Солдат» пренебрегал всеми земными законами, которые касаются питания. Он ел много, почти не пережевывая, но, почему-то, не толстел. В этом, тоже, была доля колдовства. Интересно! А, в академии бывают перерывы в учёбе, какие-нибудь каникулы? Меня это колдовство уже замучило. Даже во сне повторяю веды, стараюсь правильно произносить непонятные слова. Как много зависит от интонации, от правильно поставленного удара. Даже твоё настроение, в ритуалах колдовства, играет определённую роль. Обучение шло легко, всё получалось, я, уже, почти год, как нахожусь на этом острове. Но усталость не спрашивает, она имеет свойство накапливаться. Я устал, от всего, от колдовства, от преподавателей, от своего соседа. Женщина-профессор сказала, кто сдаст зачёт по невидимости, того отпустим на два месяца домой. Я, раскатал губу – мой дом находится в Рязани, и с этой невидимостью у меня ничего не получается. Как я не пытаюсь быть невидимым! Никак. В военном училище нам преподавали маскировку, но здесь невидимость – это совсем другое. Эту маскировку нужно ввести в мозги окружающих, чтобы никто не видел тебя. Профессор говорила, что эта технология похожа на массовый гипноз, но, всё же, это колдовство. Вы сами должны найти решение, если хотите отдохнуть от академии

и меня. Разрешалось всё, любые методы из пройденного материала. Я пытался: и так, и этак – ничего не помогало. Мой сосед – Гудзырь был на шестом курсе, но даже он ничем не мог мне помочь.

– Пойми, Снегур! Это чисто индивидуальное задание. А, невидимость – это надувательство.

Я начал экспериментировать с рунами, но получалось ещё хуже – я оставался видимым, но с изменёнными формами. Когда я превратился в человека-паука, с ослиной головой, даже сосед мой не выдержал. Он помог мне вернуть своё тело.

– Больше не делай так, хорошо? Забудь про эти руны, они не участвуют в невидимости.

У меня уже не было, ни сил, не желания, продолжать свои эксперименты. Я задумался: представил, что я в лесу, в окружении своих врагов, и мне грозит смерть, если меня обнаружат. Что делать? Блин! Нужно превратиться в куст, в дерево, слиться с окружающей местностью, тогда меня трудно будет найти. Может быть это колдуны называют невидимостью? Я, вроде бы есть, но одновременно, меня нет. Я – не я! Дерево – это не лейтенант Снегур. Надо будет попробовать. Преобразаться нас научили, ещё в начале наших занятий. А, вдруг получится? Уж очень хотелось на каникулы. Я решил испытать на Гудзыре свою невидимость.

– Коллега! Ты видишь меня?

Гудзырь дожёвывал пирожок, взятый из столовой.

– Конечно. Я не слепой, не надоело тебе экспериментировать, прятаться, превращаться в земных монстров?

– Выйди на пару секунд, я спрячусь в последний раз.

Напарник выскользнул за двери, приняв условия моей игры. Я, тут же, превратился в ученический халат, висевший на вешалке у входа в комнату. Гудзырь перевернул всю комнату, дважды заглянул под кровати, в ванную комнату, даже в унитаз. В конце концов, он сдался, посчитав, что я обманул его, пробрался мимо его глаз. Он, всего на пару секунд вышел в коридор, я успел принять свой прежний вид, сидел за столом и допивал цветочный чай. У моего напарника были квадратные глаза, когда он вернулся.

– Ты где прятался? Я всё обыскал.

– Секрет. Не гадай. Просто, я стал невидимым.

– Мне бы так! Меня всё время находят, как бы я не прятался.

Глава 5

На завтра меня вызвали в деканат (не знаю, как называется комната, где собирается весь преподавательский персонал сегментов всех цветов). «Солдат» торжественно, под аплодисменты своих коллег, поставил мне зачёт по невидимости. И как они узнали? На лётном поле меня ожидал «дракон», и через десять минут я летел в свою горную местность на запад страны. (Позже, гораздо позже, я узнал, каким методом осуществлялся контроль за учащимися. Подслушивающих устройств и тайных глазков здесь не было, но не буду

опережать события, у колдунов был свой секрет ведения разведки за обучаемыми.) В «родном» стане меня приняли с радостью. Не каждый раз в деревне приземляется «столичный дракон». Волхва в стане не было, Зыркал давно не спускался со своих гор, зато вещалки все уши прожужжали. Для них я был потенциальный жених. Больше всех радовался моему прибытию Коляда. Прапорщик здесь успел стать настоящим охотником, сегодня был день, когда бригада поставляет дичь в этот лагерь. Коляда не совсем расквитался с земными понятиями. Для прапорщика стан, был лагерем. Так привычнее, и по-военному, правильно.

– Завтра в тайгу.

Прапорщик приглашал и меня в горы, но прилетела весталка и задыхающимся голосом сообщила, что меня ждёт волхв в своём шатре. Это известие изменило все мои планы. Оказывается, волхв прибыл в стан, ещё вчера, просто, не хотел афишировать своё присутствие. Я, второй раз подходил к шатру правителя народа Другарей на западных границах страны. Меня, как и раньше, преследовал холодок, собравшийся в районе сердца. Ноги, непроизвольно, дрожали и отказывались идти. Я себя заставлял двигаться, преодолевая силу сопротивления внутреннему страху. Я, так же, как все жители стана, очень боялся колдуна. Год, проведённый на острове, не давал никакой форы, при общении с правителем.

– Как твои успехи, Снегур?

Я, что-то промычал в ответ.

– Вас ещё не учили летать? А, то бы я пригласил тебя в свою горную резиденцию.

Я, отрицательно покачал головой.

– Жаль! Искренне жаль! Какие планы у тебя на отпуск?

Я растерялся. Никаких планов у меня не было, просто я хотел отдохнуть от всего, отвлечься, от учёбы, выматывающей мозги, выспаться за всё время, проведённое на острове.

– Я хочу побродить по горам, закрепить некоторые уроки ведоведения в окружении природы.

– Это хорошо, что ты даже здесь не забываешь про уроки острова.

Последнюю фразу он произнес, по-русски. На земном языке. Волхв поднялся, давая знать, что аудиенция закончена.

– Блин! И кто меня за язык тянул, теперь, вместо отдыха, придётся идти в горы. Самому, без друзей, без поддержки.

Утром заскочил Коляда, узнав, что я тоже собрался в горы, но мой маршрут пролегал далеко от стоянки его бригады. Он порылся под своей десантной курткой и достал, что-то, похожее на карту.

– Возьми. Я нарисовал. Тебе может пригодиться.

Я поблагодарил друга. Действительно, я совсем не знал местности, не знал, что меня ожидает. Весь мой опыт с хождением в горы, был ограничен местом обитания астронома, его гора была видна со стана, к обсерватории горного отшельника была проложена тропа и два раза в месяц он при-

ходил в стан за продуктами. Я, ещё тогда, поразился изобретательности учёного: он странно транспортировал запас продуктов в горы. Он набивал три огромных рюкзака, под завязку, упаковывал их в корзину, а к корзине был привязан шар, который наполнялся специальным газом. Корзина медленно подымалась вверх, вместе с продуктами, и застывала на уровне головы. Самое главное, чтобы не было ветра. Зыркал без особых усилий переносил весь багаж в свою высокогорную обитель. Я посмотрел на карту, оставленную мне прапорщиком. Да! С топографией у моего подчинённого было неважно. Нашего прапорщика, видимо из детского садика, сразу призвали в армию? Я стал вчитываться в пояснительные записи: стопарики, бухарики, жмуры – ещё больше запутался. У меня пропало желание идти этим маршрутом, чтобы, не дай бог, ночью, в палатку жмуры не залезли. Но, деваться некуда, назвался груздём..., по закону подлости, свой маршрут я начал с обзора этой таинственной местности, отмеченной на карте «стопариками» и «жмурами.» Там я и увидел эти «стопарики».

Коляда так назвал пни, аккуратно обгрызенные какими-то животными, похожими на земных бобров. А, вот и они сами, выплывают из своего болота и шатающейся походкой переходят к очередной группе деревьев. Я расшифровал вторую запись на карте прапорщика – бухарики – это бобры. Взглядом снова пробежал по местности, выискивая таинственных жмуров. Блин! Ни одного бугорка, ни одной могилы, откуда

ещё могли вылезать покойники? Я посмотрел вверх, в просвет между кронами деревьев:

– Мама!

Сверху на меня смотрели жмуры. Я таких животных ещё не видел, они были чуть меньше человека, с безобразными физиономиями и с кожаными крыльями, которые слаживались в несколько раз, как зонтик от дождя. Жмуры были хищники, но их интересовала более мелкая дичь. В этом лесу – жмуры, в отличие от летучих мышей, могли охотиться и днём, и ночью. Я никак не мог избавиться от ощущения, что за мной кто-то наблюдает. Посмотрел по сторонам – никого, одни птицы и животные. Пошёл дождь, ливень, я спрятался в пещеру, стал наблюдать. Зашло несколько оленей, пара пересмешников, и землеройки. Смешно, но чувство чужого взгляда не пропадало, подозревать животных в шпионаже – глупо. Я, так и остался в неведении. Не смог вычислить наблюдателя. Одному в горах, ночью страшновато. Начинаясь, невольно, вспоминать все пройденные уроки на острове. Я выбрал себе уютную пещеру для ночлега, установил колдовскую сигнализацию, чтобы в случай чего, успеть дать дёру. Деревья, для ночлега, я отверг сразу, мне стало плохо при воспоминании о жмурах. Блин! Сигнализация постоянно срабатывала, не давала спать. То енот забрёл, то ёжик заблудился, хрюкнул возле уха так, что я, едва не вспомнил детство. Пришлось сигнализацию отключить, и я мгновенно провалился в сон, не реагируя на имитацию плача пере-

смешниками. Эти животные, похожие на полуобезьян, преследовали меня повсюду. К их голосам и выходкам тяжело было привыкнуть, они подражали всем животным, находящимся в стране Другарей. Могли, запросто, перепугать вас фразой, услышанной ненароком, у жителей страны, произнеся её, нарочно, громко, над самым ухом. Блин! Земные попугаи, и то, не так коварны. Мне кажется, этим лемурам нравилось пугать людей, и не только. От их таланта к подражанию, наверно, зависела их жизнь. Мне не раз приходилось видеть панически убегающих горных собак, после имитации криков пересмешниками. Не знаю, кому они подражали, но глаза у этих хищников светились от страха. Пересмешники, пару раз спасали меня, предупреждая об охотящейся рыси. Жмуры, в отличии от их земных аналогов, из фильмов ужасов, были безобидными, миролюбивыми существами. Моё неожиданное появление в их ареале, вызвало, скорее любопытство, а не агрессию. Жмуры наблюдали за мной издали, стараясь не приближаться и не терять меня из виду. Они были очень любопытны, чем-то напоминая земных морских животных, те тоже любили часами наблюдать за рыбаком. Утром я проснулся в окружении животной мелочи. В пещеру набились существа, даже которых я не видел раньше. Такое соседство было лучше всякой сигнализации. Для них эта пещера, видимо, давно была местом для ночлега? Они привычно, спокойно относились друг к другу, получается, что и меня приняли в свой круг, не испытывая

страха к пришельцу. С одной стороны, я был благодарен этой фауне, она сглаживала моё одиночество. Иногда я пел, пересмешники перехватывали мотив и получался интересный хор, как на грузинской свадьбе. Кроме того, эта мелочь была дружна при любой опасности и могла отстоять свою территорию, отогнать любого хищника. Я видел, как стая животных, похожих на бурундуков, прогоняла ядовитого горного варана. Ящер не успевал пятиться под их дружным напором, теряя энергию и скопленный яд. Бурундуки гнали рептилию за границу своего обитания. Ящер ничего не мог предоставить множеству укусов стаи, предпочёл ретироваться в безопасное для себя место. За пересмешниками тоже было интересно наблюдать, при встрече с хищником они подымали оголтелый крик, вспоминая про свои обезьяньи повадки, и тогда, в сторону опасности, летело всё, что могла найти лапа лемура. Обычно, противник не выдерживал такой атаки, и старался скрыться, убежать от стаи рассерженных полуобезьян. Интересно! Кому пересмешники подражают, имитируя странное квохтанье. Блин! Такого панического страха я не видел, все животные, как с ума сошли, у горных собак – глаза навывкат, они первыми с визгом бросаются наутёк. Пещерные медведи, закопаченные в своих жилищах, как пробка из бутылки шампанского, вылетают со своих схронов, и бегут, куда глаза глядят. Пересмешники, устроившие эту катавасию, с довольным видом, стараются возглавить эту процессию беглецов. Блин! Иногда она может растянуться на часы

– животные движутся сплошным валом, подальше от этих мест, где обитает монстр. Ко-кво-ко-о! Я, с иронией смотрел на приколы лемурув. Им нравилось вызывать страх у окружающих. Жмуры никуда не убегали, но старались испариться на местности, спрятаться в недоступных разломах скал, или в старых дуплах деревьев. Жмуры – это были истинные мастера мимикрии, им и академия не нужна! Я решил осмотреть местность, окружающую стан, передвигаясь по кругу. Горы в этом краю были старыми, с покатыми вершинами, с оврагами и провалами. Через глубокие пропасти были проложены подвесные мосты. Ни людей, не другарей, никого я не встречал, только животные и я, я и фауна. Горы утопали в растительности, это была настоящая труднопроходимая тайга. Я старался не подниматься вверх, экономя свою жизненную энергию, но по земному опыту, догадывался, что, вверху горный лес сменяется непроходным кустарником, а ещё выше, были луга, с изобилием трав и цветов. Там, на тех землях жили другие животные и птицы, они считали себя небожителями и никогда не пересекались с лесными. Мне интересно было побывать и там, но, как-нибудь, другим разом. Я поднял голову вверх, в просвете между деревьями, я увидел воздушный шар. Мне тяжело было не узнать того, кто в нём летел. Я постарался выбраться на открытое место, и пилот воздушного шара увидел меня и помахал рукой. Это было первое разумное существо, встреченное мной на своём пути.

– Чего, это, астроному не сидится дома?

Я, в окружении пересмешников продолжил свой путь. Вдруг тишину разрезал панический крик лемура, и зверьё прыснуло в разные стороны. Сразу стала такая пугающая тишина. Я осторожно, постоянно оглядываясь, продолжил путь. Меня интересовало, что так могло напугать пересмешников? До этого случая, я считал, что они ничего не боятся. Я, почти носом уткнулся в какую-то сферу, она была в четыре раза больше меня – выше и шире. Издалека, эта сфера напоминала скорлупу яйца. Но, чьего? Какой зверь может производить такие яйца? В моей памяти стали вырисовываться рисунки древнейшей истории Земли – динозавры, ящеры, птеродактили... Блин! Моя прогулка перестала мне нравиться, не пора ли домой – в стан?

– Ко-кво-ко-о!

Я сначала услышал этот странный крик. Он мне что-то напоминал – близкое, родное, знакомое. Между горами, блин, появилась курица.

– Нет. Таких куриц не бывает! Этот монстр, был под стать горам – огромен, с покатыми боками, с чудовищной уродливой головой, которую венчал такой же огромный и уродливый клюв, похожий на увеличенную копию наковальни кузнеца. Курица, по пути, нагнулась к земле, и подкинула вверх пещерного мишку. Она проглотила его, как червяка. Блин! Нашёлся хозяин скорлупы!

– Ко, кво, ко – о!

Мне показалось, что монстр кого-то зовёт. Ну конечно же:

если есть скорлупа, значит поблизости должны быть и цыплята. Я обернулся на шум за спиной.

– Мама!

Мне помнится, что нас в академии не учили летать! В считанные секунды я обогнал пересмешников, и остановился у самого моря, откуда горы и лес казались сплошной зелёной полосой в дымке вечернего тумана. Над горами заходило пурпурно-красное, большое солнце. Весь мир казался цвета крови.

– Всё! Никогда не буду есть курятину. Монстр! Людоед! Как я ухитрился увернуться от этого цыплёнка?

Волосы, только сейчас, стали приобретать привычный вид, я думал, что они до конца жизни останутся стоячими дыбом.

Глава 6

Опять на мою долю выпала инспекционная поездка на базу. Ненавижу эти командировки, особенно в те места, которые являются государственным интересом Китая, или России. В мою каюту вошёл молодой лейтенант. Большая часть состава этой секретной морской базы не нюхала порох. Лейтенант был в очках и отличался от матросов своей сутулостью. Опять на военный объект «синих чулок» набрали, от него за версту несёт компьютером и институтской программой. Лейтенант, издали, был похож на цифру «два».

– Ты опять на молодёжи вымещаешь свою злость, Сэнсэй? Я его, кажется знаю. Ему к лицу офицерский мундир. Ко-

гда мы встречались? И где? Я помню, что он был капралом. Ах, да – Сэнсэем меня называли в Алжире. С этой североафриканской страны и началась моя преподавательская военная карьера. Сэнсэй – как давно это было.

Лейтенант поправил очки. Мне кажется, они ему больше мешали, чем помогали. Из экономии электроэнергии, кондиционеры были отключены, и пот постоянно стекал по поверхности стеклянных линз очков. Этот лейтенант «двойка» держал в руках компьютерную распечатку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.